

ГЕНДЕР И ТЕЛО В КУЛЬТУРЕ

УДК 39+392.6 (27)

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/128-140

Научная статья

© С. В. Сиражудинова

ГЕНДЕР И ФРОНТИР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Данная статья написана в рамках одного из направлений гендерных исследований, посвященного изучению женского пространства и гендерных границ, их влияния на жизнь женщин и роль последних в обществе. Автор обращается к изучению этих явлений на примере Северного Кавказа в рамках фронтирной теории. Целью исследования является выявление особенностей и трансформации гендерного вопроса сквозь призму внутриобщественных и внешних поведенческих норм, факторов воздействия границ на жизнь женщин и их положение в обществе. Работа основана на анализе эмпирических данных, собранных автором в четырех республиках Северного Кавказа: Республике Дагестан, Чеченской Республике, Республике Ингушетия и Республике Кабардино-Балкария. Результаты исследования показали актуальность гендерного разделения пространства в регионе, где границы остаются жесткими, в том числе и внешние. Общество ориентировано на поддержание ограничений для женщин, проявляет безразличие к их проблемам и предпочитает не вмешиваться в сложившуюся ситуацию. Более того, в обществе появляются новые элементы фронтирности, а также новые социальные ограничения, связанные со стремительной исламизацией и традиционными особенностями интерпретации религии. Наиболее известными организациями и активистками в регионе остаются те, чья деятельность связана с развитием традиционной культуры и защитой языка.

Ключевые слова: границы, гендер, женское пространство, фронтир, Северный Кавказ, постколониализм, женская активность

Ссылка при цитировании: Сиражудинова С. В. Гендер и фронтир на Северном Кавказе // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 128–140.

¹ Сиражудинова Саида Валерьевна — кандидат политических наук, доцент, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (367008 Махачкала, ул. Атаева, 5). Эл. почта: saida_kant@mail.ru, ORCID 0000–0002–6069–6076

UDC 39+392.6 (27)

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/128-140

Original Article

© *Saida Sirazhudinova***GENDER AND THE FRONTIER IN THE NORTH CAUCASUS REGION**

This article is written within the area of gender studies devoted to the gender space and gender boundaries, their impact on women's lives, and the role of women in society. The author turns to the study of these phenomena in the North Caucasus within the frontier theory. The study aims to identify the specificity and transformations of the gender issue through the prism of intra-social and external behavioral norms, the impact of borders on women's lives, and their position in society. The work is based on the empirical data collected by the author in four republics of the North Caucasus: Dagestan, Chechen Republic, Ingushetia, and Kabardino-Balkaria. The study showed the relevance of the gender division of space in a region where borders remain rigid, including the external ones. Society tends to maintain restrictions for women, shows indifference to their problems, and prefers not to intervene in the current situation. Moreover, new elements of «frontierism» and new social restrictions associated with rapid Islamization and traditional ways to interpret religion are developing. The most well-known organizations and activists in the region are those whose activities are related to the development of traditional culture and the protection of the language.

Keywords: *borders, gender, women's space, frontier, North Caucasus, postcolonialism, women's activities*

For Citation: Sirazhudinova Saida V. 2022. Gender and the Frontier in the North Caucasus Region. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 128–140.

Author Info: **Sirazhudinova Saida Valeryevna** — Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, Dagestan State University of National Economy (367008 Makhachkala, Ataeva st., 5). E-mail: saida_kant@mail.ru, ORCID 0000–0002–6069–6076

Северный Кавказ представляет широкое поле для гендерных исследований, поскольку вопрос взаимоотношения полов здесь отличается многоаспектностью не только в ретроспективе, но и в современном обществе. Помимо территориальных, этнических, ценностных особенностей региона, одним из важнейших показателей воздействия фронта на социум является гендерный вопрос и гендерные поведенческие паттерны. Важно выявить, проследить и проанализировать специфику и динамику гендерного вопроса сквозь призму границ и гендерного разделения пространства на Северном Кавказе.

Часто выделяемое учеными женское пространство и гендерные границы — не только объект интереса ученых, но и значимая составляющая жизни женщин региона, общественного уклада общества. Проблема влияния фронтального фактора на гендерные отношения, их роли и ожидания не утрачивает своей актуальности на протяжении веков. Территориальные и культурные особенности Северного Кав-

каза делают это регион особо привлекательным для исследований. С одной стороны — это пограничная зона и объект исторического пересечения клубка геополитических интересов, с другой стороны — это особый культурный мир, во многом сохранивший свою специфическую уникальность и до сих пор сопротивляющийся модернизации, имеющий свои специфичные стандарты гендерных отношений, благодаря которым общество противопоставляет себя другим. Современные особенности положения женщин в регионе, местные отличия от общероссийской ситуации, значимость гендерных барьеров делают вопрос гендерных границ в обществе крайне актуальным.

Анализ проблемы гендера на Кавказе требует комплексного подхода. Так, чтобы раскрыть этот вопрос, который является актуальным на протяжении нескольких столетий, необходимо рассмотреть его с точки зрения ретроспективного анализа. Для этого в исследовании мы обратимся к важнейшим наработкам Ю. Ю. Карпова (*Карпов* 2001), посвятившего свои исследования описанию женского пространства и мужских союзов, впервые на основании этнографического материала и собственных исследований изучившего границы между мужским и женским пространствами. В Кабардино-Балкарии проблема женского пространства была изучена М. А. Текуевой (*Текуева* 2019: 23), которая впервые затронула проблему женской сексуальности.

Для понимания современной ситуации, в которой также велико значение и влияние границ на гендер, необходимо выявить особенности, закономерности, и взгляды самих людей, что требует проведения эмпирических и социологических исследований. Чтобы понять специфику влияния гендерного фактора на жителей современной северокавказской территории, важно выявить и структурировать проблему, рассмотреть традиционные формы воздействия границ и разделенного пространства на повседневную жизнь женщин и саму роль женщин в обществе.

Автором в рамках проекта Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» были применены социологические методы, включавшие качественное исследование, основанное на экспертных интервью с 57 женщинами-активистками разного возраста, проведенных в течение четырех месяцев с августа 2020 года по январь 2021 г., результаты которого рассмотрены в данной статье, и количественное исследование, проведенное среди жителей региона (опрошено методом стандартизированного анкетирования более 1000 респондентов).

Интервьюирование было осуществлено в четырех регионах Российской Федерации. География исследования: Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия и Республика Кабардино-Балкария. С респондентами были проведены прямые полуструктурированные глубинные интервью. Метод глубинных интервью предоставил широкие возможности в исследовании, позволил выявить проблемы, жизненные случаи и факты, оценить эмоциональный фон, получить субъективные оценки о разных аспектах изучаемой проблемы. Интервью длились от двух до четырех часов и проводились в домах участников и их родственников. Количественное исследование проводилось методом анкетирования.

Гендерный вопрос на Северном Кавказе

Трансформация тематики исследований женского пространства в регионе демонстрирует развитие подходов к изучению фронтирных типов. «В «дореволюционный период» женщин Кавказа описывали как прекрасный и необычный фронтирный тип, в советский период акцент делался на проблеме их эмансипации и угнетения» (Текуева 2019: 22). Многие исследователи, изучавшие регион (Баррет 2000), часто обращались к роли женщин (особенно в период войны). В то же время существуют лишь немногие работы, выделившие в отдельное исследование гендерные границы, гендерное пространство и его пределы.

Гендерный вопрос и гендерные ограничения, актуальные и по сей день (особенно в выборе брачного партнера девушкой), вновь отсылают нас к понятию «свои-чужие». Классики теории связывали фронтир с колонизацией (Терне 2009), которая сыграла важную роль в истории региона и в значительной степени отразилась на проводившейся здесь гендерной политике, на положении женщин, она была связана с их эмансипацией, с формированием новых слоев общества (интеллигенция, городское население и т. д.) и с изменением роли женщин в разных сферах жизни.

Женщина и семья всегда были в центре интересов политики. Гендерная стратегия государства на протяжении веков в зависимости от идеологических ориентиров пыталась трансформировать или сохранить установленное традицией положение женщин. И в Российский период, и в Советском Союзе проводилась политика, направленная на трансформацию положения женщин. В настоящее время, напротив, преобладает тенденция на сохранение и укрепление «традиционных ценностей». Государственная политика на разных этапах была направлена на регулирование института семьи и брака, в советский период — на избавление от вредных пережитков.

История России и Северного Кавказа показывает, что женщины всегда были важным звеном фронта. Как отмечали многие исследователи, женщины — действенный культурный «мост» (Баррет 2000: 175) между Россией и Кавказом (Манкиева 2017: 27), разными народами и культурами. Женщин отличает гибкость и адаптация к новым ролям и функциям в т. ч. и в сфере межкультурного диалога.

Отметим и тот факт, что браки являются одной древних форм установления связей и укрепления взаимодействия между обществами. Мировая история пронизана сетью политических браков, подобные брачные союзы в небольшом количестве, но известны и в истории российско-кавказских отношений (Мария Темрюковна, царица Тамара и др.). Интерес Российской империи к региону положил начало изучению традиций, обычаев, местных народов, в том числе и положения женщин.

Роль женщин как стабилизирующего фактора на Северном Кавказе подчеркивала О. С. Мутиева, изучавшая отношения горцев и казаков, отмечавшая особую роль брачной стратегии казаков, захватывавших женщин горского происхождения и бравших их в жены, в последующем подобные браки (до конца XVIII в., когда усилился религиозный фактор) носили уже более добровольный характер и основывались на родственных и дружеских связях (Мутиева, 2012: 217–222). Наиболее известный пример вступления российского офицера в брак с местными девушками — Ермолов (Берже 1871), заключивший несколько кебинных браков с дагестанками. Также и некоторые русские солдаты переходили на сторону Шамиля, принимали ислам, заводили семьи с горянками (Мутиева 2012: 217–222).

Межнациональные браки были редким явлением в жизни простого народа, для которого характерна эндогамия, но в то же время они были приняты в «господствующей среде» (Верещагина 2013: 7–15), так высшее сословие (знать, шамхалы, ханы, князья), «закиточные и знатные слои общества рождались ради укрепления своего сословного положения, выгодных связей» (Гаджиева 1985: 149). Часто встречались подобные браки и на пограничных территориях (у осетин, ингушей, адыгов, грузин и др.).

Советская власть проводила политику, направленную на увеличение количества межнациональных браков (Гутиева 2017). С 30-х гг. XX в. урбанизация, образование, распространение русского языка, интернационализация увеличили число межэтнических браков в городах (Верещагина 2013: 7–15). Повысился возраст для вступления в брак. Женщинам была открыта дорога к образованию. Советский период известен политикой привлечения женщин к профессиональному труду, «раскрепощения горянки», вовлечения ее в политические и общественные структуры. Женщины стали той прослойкой, на которую была ориентирована политика по трансформации общества. В других случаях женщины, наоборот, посредством трансляции ценностей, основными передатчиками которых они являются, путем жестких ограничений и контроля использовались для противостояния внешнему воздействию. Поэтому традиционные нормы, направленные на регулирование жизни и поведения женщин столь важны и более всего оберегаются обществом.

Женщины и война

Войны и экстраординарные события вносят свои коррективы в возможности женщин, раздвигая границы традиционных ограничений, позволяя женщинам демонстрировать зачастую не принятые в традиционном обществе мускулинные черты, допуская их участие в военных событиях. Анализируя литературные источники о Кавказской войне, Э. Х. Манкиева пришла к выводу, что воинственность женщин связывают с условиями оборонительной войны, позволяющей женщине участвовать в боях, так как война обезличивает женщин, стирая их гендерный отличительный облик, сближая с мужчиной» (Манкиева 2018: 246–249).

С другой стороны, в военный период объектом для насилия, закрепления победы, демонстрации силы также являются женщины. Многие исторические периоды, связанные с военными событиями, показывают вовлечение в них женщин, их героизм. Война сохранила имена известных и почитаемых в обществе женщин-героинь. Героический подвиг на грани потери чувства самосохранения в бою связан с уязвимостью женщин и страхом перед насилием. Трагичный пример — сожжение горцами своих женщин в башне Асах, чтобы они не попали в руки нападавших захватчиков (ПМА 2019). Распространенные на войне изнасилования — это демонстрация завоевания, запугивание и символическое «загрязнение врага» (Nagel 2003: 304–308).

Героические черты часто встречались у фольклорных персонажей (Мялх Азни, мехкари-воительниц) и героинь Нартского эпоса (богатырша Лашин, победительница Агунда / Гунда) и др. Победили иноземного врага известные героини эпоса лачка Парту Патима и ингушка Зоазо (Кодзоев 2004).

Выдающимися воинами-вдохновителями в истории Дагестана были отважные правительницы Баху Бике (сыгравшая сразу две особенных роли женщин на фронтире: возглавившая борьбу с имамом Шамилем, и продемонстрировавшая нацелен-

ность на укрепление союза с Россией) и Тути Бике. Кавказская война — яркий пример, когда дагестанки сражались в боях за Ахульго, Гимры, Салта, Гуниб и др. Имам Шамиль издал приказ об обязательном вооружении женщин, отмечал их самоотверженность и, зачастую превосходство над мужчинами (Мутиева 2018: 26). Чеченские девушки, ставшие народными героинями (Таймасха Гехинская) и 46 девушек из аула, в т. ч. Айбика, Амаран, Айди и др., увековечены мемориалом в Дади-Юрт. Существование подобных памятников, их строительство в современных республиках лишней раз подтверждают фронтирность региона.

Жены российских офицеров, так же не остались в стороне от общественных процессов, как и русские учителя в более поздние советские годы, они несли с собой идеи культуры, просвещения оказывая влияние на общество и жизнь городов.

Чеченская война вновь, вопреки стереотипам, продемонстрировала женскую активность. В этот период женщины становились субъектами террористической активности (Черные вдовы; *Cunningham* 2003: 3; *Speckhard* 2006: 63–80), но они же несли и миротворческие функции, объединялись в женские организации с целью помочь своему обществу разрешить конфликт, проявляли гибкость и принимали на себя важную экономическую функцию (*Conley* 2003: 3).

Несмотря на примеры участия женщин в войне, Э. Х. Манкиева называет особенностью женщин ее отрицание, выстраивание диалога культур и взаимодействия (Манкиева 2017).

Гендерные границы и гендерное пространство

Рассматривая фронтир на Северном Кавказе, важно обратиться не только к его внешним территориально-цивилизационным факторам, но и к внутренним гендерным границам, к жесткой сегментации общества на мужское и женское пространства. Женщины здесь имеют отдельное пространство, окружены границами, нарушить которые чревато неприятием и осуждением со стороны общества. Одна из известных гендерных исследовательниц региона, М. А. Текуева отмечает, что «моральные запреты, поведенческие стереотипы (о разрешенном и недозволенном), сказываются на гендерном порядке и структурируют повседневность» (Текуева 2019: 22). Гендерная политика (Сиражудинова 2013: 14–19), тесно связанная с господствующей идеологией, способна как расширять границы, так и сужать их. Общество же и различные институты внутри его формируют и отстаивают собственные гендерные стратегии.

Важные исследования по «мужским союзам» (Карпов 1996) и по женскому пространству (Карпов 2001) были проведены Ю. Ю. Карповым. Ю. Карпов разделял микрокосмы женщин (дом, очаг) и мужчин (община). С гендерными демаркациями связаны и деления «правая — левая», «вверх — вниз» (Карпов 2001). Дагестанская исследовательница Б. М. Алимова также отмечала, что пространство женщин — «внутри дома» (Алимова 2007).

Помимо границы по отношению к «чужому» (в гендерном аспекте важен сохранившийся запрет на брак, особенно для женщин, вне общин и этноса), к сексуальным границам дозволенного поведения, до сих пор сильны внутренние границы и «сексуальные запреты» для женщин, воспринимаемых с точки зрения их репродуктивной функции (Nagel 2003: 304–308).

Гендерные границы утверждены обществом, его традициями, культурой, особенностями социализации. Большинство женщин лишено личной автономности и права на частную жизнь, находясь под постоянным контролем. На настоящий момент гендерные барьеры для женщин труднопреодолимы. Они усилены узлом из смешения традиций, религии, призывов патриархальных структур к новым барьерам (Сиражудинова 2015: 53–61), т. к. традиционное общество свое сопротивление модернизации начинает выстраивать именно с женщин.

О. С. Якушенкова отмечает гетеротропность фронта и особенности трансгрессии и перехода женщинами запретной грани в форме преодоления и разрыва традиционных гендерных стереотипов и паттернов. Описание Якушенковой О. С. фронтальной женщины в Китае находит соответствие и в северокавказских фронтальных образах женщин, которые также были «воительницами, описывались писателями как «прекрасные дикарки» (Манкиева 2018: 246–249), способные противостоять мужчинам или и вовсе доминировать над ними, с искусственно минимизированной сексуальностью» (Якушенкова 2015: 321–326) и т. д., что отражает общие черты гендерного аспекта фронта.

Изучение гендерных границ в исследуемом регионе на настоящий момент нашло отражение в малом количестве работ (Тлостанова 2010) и требуют дальнейшего анализа. В статье мы обращаемся к этапам фронта (гендерный аспект), изученного О. С. Якушенковой (Якушенкова 2017: 107–119) на примере роли индийских женщин в обществе. Она выделяла такие периоды как предфронт, фронт и постфронт. Так:

— *«предфронт»* это период „знакомства“ и диалога, путешественников» (Якушенкова 2017: 107–119) и переселенцев (на Кавказе, яркий пример — исследователи, путешественники, писатели, казаки, женившиеся на местных);

— *«фронт»* — военное время, когда актуализировались „воины-героини и миротворцы. Данный период породил и народных героинь“» (Якушенкова 2017: 107–119) в регионе (в некоторых случаях бродячие сюжеты фольклорных образов — Парту Патима и Зоазо и др.);

— *«постфронт»* — период, когда «женщины фронтальных народов несли в общество новые цивилизационные функции» (Якушенкова 2017: 41). Они стали носителями народной культуры и выполняли просветительские функции (наука, образование, публикационная, просветительская и культурная роль и отдельных женщин, и СМИ, и организаций, призванных транслировать традиционные ценности и популяризовать родную культуру.

Роль женской активности на фронтальных территориях: современность

Женской активности в обществе отводится важная роль, поэтому на протяжении веков и даже тысячелетий регулирование социальных отношений, закрепление политического курса начиналось с обращения к статусу женщины, к сужению или расширению ее возможностей. Важный аспект женской активности связан с постфронтальным периодом (Якушенкова 2017: 107–119), когда женщины стали транслировать ценности, создавать популяризирующие их культуру организации, мероприятия, распространять культурные и духовные ценности.

Женщины сохраняют традиционные ценности общества (такова позиция большей части женщин до сих пор), но женщины и трансформируют его. Яркий пример — женщины активистки. Используя опыт и навыки, приобретенные в советский период, тренинговые программы международных структур времени войны в Чечне, женщины стали ведущим субъектом общественной жизни региона.

В то же время, женская активность в большей степени сосредоточена в городах (женские организации, центры социальной, психологической и правовой поддержки), где транслируются культуры и традиции, но не оставляет они без внимания и районы республик. Женщины ориентируются на запросы общества, постоянно модернизируя свою активность, развиваются сами и способствуют развитию окружающих. В то же время в регионе настоящее женское движение пока не сложилось, первостепенные функции женских организаций — социальные, психологические, правовые. Даже многих женщин-ученых в регионе отличают традиционные или полутрадиционные воззрения и установки. Борьба за права женщин на настоящий момент встречается лишь в публикациях и акциях немногочисленных активисток и феминисток (Анохина С., Сиражудинова С.), некоторые феминистки начали, не открывая имен и лиц, создавать свои группы («Мадо»), а социальные сети расширили их возможности.

Женщинам посвящены создающее положительный женский образ газеты («Горянка»), журнал («Женщины Дагестана») и более приближенный к суровой действительности известный электронный портал «Даптар».

Гадиева А. Н. и Урусова Ж. И. отмечают трудности для социальной деятельности женщин, силу гендерных стереотипов, не приветствующих женскую активность, так как общество видит в них преимущественно «хранительниц очага» (Гадиева 2015: 2–3). Эти нормы, согласно М. Текуевой «так же, как и культ огня восходят к периоду родового общества, что объясняет роль женщины в сохранении рода и семьи, и трансляции традиции как цементирующего материала» (Текуева 2006: 35).

Женщины подвержены социальному отчуждению, сталкиваются со сложностями при реализации потенциала. Общество формирует «секторальное гендерное пространство», отбирая для женщин ограниченные возможные направления активности (Шаожева 2010: 84–86). Выход за пределы пространства связан как с вынужденностью в период экстраординарных событий, так и с внутренними трансформациями женщин в более спокойные времена (повышение образования, знакомство с новыми идеями, осознание проблем, политика государства, влияние городской среды и т. д.). В таких условиях «женщины продемонстрировали умение обогнать свое время, возвыситься над объективными обстоятельствами, действовать в новых условиях и правилах» (Якушенкова 2017: 107–119).

Результаты социологического исследования

Результаты исследования, проведенного осенью 2020 г. - зимой 2021 г. в республиках Северного Кавказа показали, что фактор фронта до сих пор актуален для региона. Большинство женщин-респонденток отметили, что их положение отличается от женщин из других регионов (более 88,0%).

Гендерные границы остаются достаточно жесткими, в том числе и внешние. Существуют ограничения не только в рамках региона, но в пределах границ места про-

живания, и даже дома. Для того, чтобы выйти из дома, многие женщины объясняют причину и спрашивают разрешение (так ответили 76% опрошенных женщин, из которых большая часть с высшим образованием). Причем некоторые отмечали, что им часто нужно «искать выход» и «предлог». Эксперты, работающие с женщинами, рассказывали, что в их практике была женщина, которая после брака на протяжении пяти лет ни разу не покидала дома мужа.

Для женщин сохранились более жесткие ограничения в выборе брачного партнера.

В обществе живо мнение (его высказало большинство респондентов), что «основная роль женщины» — «женщина-мать».

К женской активности жители региона относятся положительно, но, в то же время отмечают, что им почти не известны женщины-активистки, кроме двух–трех правозащитниц (отмечали во всех регионах), женщин-активисток, работающих по продвижению традиционных ценностей и языка (в Кабардино-Балкарии).

Также многим неизвестны и выдающиеся женщины, которые оставили след в истории. Более известными оказались поэтессы, пишущие на национальных языках.

Эксперты отметили, что общество ориентировано на поддержание внутренних границ для женщин, проявляет безразличие к их проблемам и предпочитает не вмешиваться.

Даже этот краткий обзор результатов исследования позволяет отметить актуальность гендерного аспекта фронта в регионе.

Выводы

Гендерный аспект фронта отличается общими чертами и схожестью базовых классических этапов, в независимости от территории.

На Северном Кавказе пересекаются, дополняя друг друга одновременно несколько типов фронта. И внешний, и внутренний фронты до сих пор оказывают значительное влияние на жизнь женщин, выстраивая, защищая и даже усиливая границы. Несмотря на то, что женщины признаны носителями новых ролей, им же отводится роль в сопротивлении изменениям, в сохранении традиций. Женщин оберегают от трансформации и делают ответственными за стабильность в обществе.

Женский вопрос исторически является маркером общественных трансформаций на фронтных территориях.

Кавказский регион еще полностью не преодолел фронтный период, но в нем уже сегментарно развиваются и постфронтные институты.

Чтобы работать, женщина должна получить разрешение от семьи, мужа, каждый выход за традиционные границы дома в публичное пространство или в поездку для большинства женщин возможен только после разрешения от «хозяина».

Границы сохраняются и становятся еще жестче, появляются новые ограничения в обществе (связанные со стремительной исламизацией и традиционными особенностями интерпретации религии).

Наиболее известными организациями и активистками в регионе остаются те, чья деятельность связана с развитием традиционной культуры, защитой языка. То есть выстраивание и сохранение фронтности основывается на противопоставлении себя «другому».

Анализ трансформации гендерного вопроса на Северном Кавказе показывает, что здесь оставили след различные роли женщин (роль посредника, воина, миротворца и др.), и до сих пор встречается композитный фронтирно-постфронтирный тип специфического общества.

Особенность современного этапа — сохранение и даже усиление внешних и внутренних гендерных границ, жесткое разделение пространства на «женское» и «мужское».

Женщин допускают в мужское пространство для защиты общества (в экстраординарных ситуациях переход за пределы гендерного пространства допустим в ряде случаев, и женщины, проявившие мускулинные качества, героизируются). В то же время любое вторжение женщин в мужское пространство и попытка перехода границ осуждаемы в повседневной жизни.

Женщины в экстраординарные и трансформационные периоды переходят за границы традиционных устоев, за гендерные пределы традиционного общества, происходят лингвистические, культурные, поведенческие, символические, правовые переходы и заимствования, появляются ростки сопротивления ограничениям (Якушеникова 2015: 321–326), происходит критическое осмысление традиций, особенно норм контроля над женщиной и ее сексуальностью, возложения односторонней ответственности за сохранение традиций и патриархального общества.

Источники и материалы

ПМА 2019 — Полевые материалы автора, собранные в экспедиции в с. Терутли Цунтинского района Дагестана. Интервью с Увайсовым Рамазаном. Сентябрь 2019 г.

Научная литература

- Алимова Б. М. Женское пространство в культуре кумыков // История, археология и этнография Кавказа. 2007. 3(3). С. 69–76. <https://caucasushistory.ru/2618-6772/article/view/930/904>
- Барретт Т. Линии неопределенности: Северокавказский «фронтир» России. В М. Дэвид-Фокс (Ред.). Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара: Издательство «Самарский университет». 2000. С. 163–193.
- Берже Ад. П. Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе 1816–1827 гг. Кавказская старина. 1871. http://az.lib.ru/b/berzhe_a_p/text_1871_ermolov_i_ego_zheny.shtml
- Васильев И. Ю. Северокавказский фронтир между общинами без первобытности // Славянский мир на северо-западном Кавказе. 2017. С. 24.
- Верещагина А. В. Традиции этнодемографического поведения семьи и межэтнической брачности у народов Северного Кавказа. Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 7–15.
- Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1985. 149 с.
- Гадиева А. Н., Урусова Ж. И. Гендерная проблематика в контексте гражданского общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2(3). <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23596>
- Гутиева М. А. Антирелигиозная работа партийных органов власти в национальных областях Северокавказского региона в 20–30-х гг. XX века. Достижения науки — сельскому хозяйству. Владикавказ. 2017.
- Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Центр «Петербургское востоковедение». 2001.

- Карпов Ю. Ю. Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Кунсткамера. 1996.
- Кодзоев И. Галгай. Зоазо. 2004.
- Манкиева Э. Х. «Война и женщина» как антропологическая проблема (на материале рассказов А. В. Дружинина «Madmoiselle Jeannette» И Л. Н. Толстого «Кавказский пленник»). // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4–2 (82). С. 246–249.
- Манкиева Э. Х. Кавказоведческая ветвь русской литературы XIX века: взгляд на женщину // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8–1 (74).
- Мутиева О. С. Женский фактор в горско-казачьих отношениях в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 4. С. 217–222.
- Мутиева О. С. Опыт участия дагестанских женщин в оборонительных сражениях Кавказской войны // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 26.
- Сиражудинова С. В. Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе // Женщина в Российском обществе. 2015. № 1 (74). С. 53–61. doi: 10.24412/2500-221X-2015-174-53-61
- Сиражудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // Женщина в Российском обществе. 2013. № 1. С. 14–19. doi: 10.24412/2500-221X-2013-166-14-19
- Текуева М. А. Мир чувственных переживаний кавказской женщины // Вестник антропологии. 2019. № 3 (47). С. 22–38. doi: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/22-38
- Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик. 2006.
- Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир. 2009.
- Шажожева Н. А. Секторальное гендерное пространство в региональном измерении // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4 (17). С. 84–86.
- Якушенкова О. С. Женская трансгрессия на гетеротопных пространствах фронта // Капский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3. С. 321–326.
- Якушенкова О. С. От войны к дипломатии: роли индейских женщин на американском фронте // Журнал Фронтальных Исследований. 2017. № 2 (6). С. 107–119.
- Conley B. For the women of Chechnya, hope dies last. *Journal of Human Rights*. 2004. 3(3). Pp. 331–342.
- Cunningham K. J. Cross-regional trends in female terrorism. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2003. 26:3. Pp. 171–195. doi: 10.1080/10576100390211419
- Nagel J. Race, Ethnicity, and Sexuality. *Intimate Intersections, Forbidden Frontiers*. Oxford University Press. 2003. Pp. 300–310.
- Speckhard A., Akhmedova K. «Black widows: the Chechen female suicide terrorists». In *Female suicide bombers: dying for equality?* Edited by: Sheiwtzer, Y. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies. 2006.
- Tlostanova M. *Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands*. Palgrave Macmillan, N.Y. 2010.

References

- Alimova, B. M. 2007. Zhenskoe prostranstvo v kul'ture kumykov [Women's space in the Kumyk culture]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 3(3): 69–76. <https://caucasushistory.ru/2618-6772/article/view/930/904>
- Barrett, T. 2000. Linii neopredelennosti: Severokavkazskii <<frontir>> Rossii [Uncertainty Lines: North Caucasus “frontier” of Russia]. In M. David-Fox (Ed.). *American Russian Studies: Milestones of Recent Historiography. Imperial period. Anthology*. Samara: Samara University Publishing House. 163–193.

- Berger, Ad. P. 1871. Alekseĭ Petrovich Ermolov i ego kebinnye zheny na Kavkaze 1816–1827 gg. [Alexey Petrovich Ermolov and his kebin wives in the Caucasus 1816–1827]. *Caucasian antiquity*. http://az.lib.ru/b/berzhe_a_p/text_1871_ermolov_i_ego_zheny.shtml
- Conley, B. 2004. For the women of Chechnya, hope dies last. *Journal of Human Rights*, 3(3), 331–342.
- Cunningham, K.J. 2003. Cross-regional trends in female terrorism. *Studies in Conflict and Terrorism*. 26:3, 171–195. doi: 10.1080/10576100390211419
- Vasiliev, I. Yu. 2017. Severokavkazskii frontir mezhdru obshchinami bez pervobytnosti [The North Caucasian frontier between communities without primitiveness]. *Slavonic World in the North-West Caucasus*. 24.
- Vereshchagina, A.V. 2013. Traditsĭi ėtnodemograficheskogo povedeniĭa sem'i i mezhĕtnicheskoi brachnosti u narodov Severnogo Kavkaza [Traditions of ethnodemographic behavior of the family and interethnic marriage among the peoples of the North Caucasus]. *Social and Humanitarian Knowledge*. 11: 7–15.
- Gadzhieva, S. S. 1985. Sem'ĭa i brak u narodov Dagestana v XIX — nachale XX v. [Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX-early XX centuries]. M., 149.
- Gadieva, A. N., Urusova, Zh. I. 2015. Gendernaĭa problematika v kontekste grazhdanskogo obshchestva [Gender issues in the context of civil society]. *Modern problems of science and education*. 2(3). <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23596>
- Gutieva, M. A. 2017. Antireligioznaĭa rabota partiĭnykh organov vlasti v natsĭonal'nykh oblastiakh Severokavkazskogo regiona v 20–30-kh gg. XX veka [Anti-religious work of the party authorities in the national regions of the North Caucasus region in the 20–30s of the XX century]. *Achievements of science — agriculture*. Vladikavkaz.
- Karpov, Yu. Yu. 2001. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. The Center «St. Petersburg Oriental Studies».
- Karpov, Yu. Yu. 1996. *Dzhigit i volk: muzhskie soiūzy v sotĭiokul'turnoi traditsĭi gortĕsev Kavkaza* [Dzhigit and the Wolf: men's unions in the socio-cultural tradition of the mountaineers of the Caucasus]. St. Petersburg: Kunstkamera.
- Kodzoev, I. 2004. *Glalglay. Zoazo*.
- Mankieva, E. H. 2018. <<Voĭna i zhenshchina>> kak antropologicheskaiĭa problema (na materiale rasskazov A. V. Druzhinina «Madmoiselle Jeannette» I L. N. Tolstogo «Kavkazskii plennik») [“War and Woman” as an anthropological problem (based on the stories of A. V. Druzhinin “Madmoiselle Jeannette” and L. N. Tolstoy “The Caucasian Prisoner”)]. *Philological sciences. Questions of Theory and Practice*, 4–2(82), 246–249.
- Mankieva, E. H. 2017. Kavkazovedcheskaiĭa vetv' russkoĭ literatury KhIKh veka: vzgliĭad na zhenshchinu [Caucasologica branch of Russian literature of the XIXth century: a look at the woman]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 8–1 (74).
- Mutieva, O. S. 2012. Zhenskiĭ faktor v gorsko-kazach'ikh otnosheniĭakh v XVIII–XIX vv. [Female factor in the mountain and Cossack relations XVIII–XIX s.]. *Humanities, Social-economic and Social Science*, 4, 217–222.
- Mutiyeva, O.S. 2018. Opyt uchastiiĭa dagestanskikh zhenshchin v oboronitel'nykh srazheniiĭakh Kavkazskoi voĭny [Experience of participation of Dagestani women in holding battles of the Caucasian war]. *Vestnik of Kostroma state university*, 3: 26.
- Nagel, J. 2003. *Race, Ethnicity, and Sexuality. Intimate Intersections, Forbidden Frontiers*. Oxford University Press, 300–310.
- Sirazhudinova, S.V. 2015. Gendernye granitsy i perspektivy gendernogo dialoga na Severnom Kavkaze [Gender borders and the perspective for gender dialogue in the Northern Caucasus]. *Woman in Russian Society*. 1 (74): 53–61. doi: 10.24412/2500-221X-2015-174-53-61
- Sirazhudinova, S.V. 2013. Gendernaĭa politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennye tendentsĭi [Gender policy in Russian Northern Caucasus: contemporary tendencies]. *Woman in Russian Society*. № 1 (66): 14–19.

- Shaozheva, N. A. 2010. Sektoral'noe gendernoe prostranstvo v regional'nom izmerenii [Sectoral gender space in the regional dimension]. *Society. Wednesday. Development*. 4 (17): 84–86.
- Speckhard, A., Akhmedova, K. 2006. “Black widows: the Chechen female suicide terrorists”. In *Female suicide bombers: dying for equality?* Edited by: Sheiwrtzer, Y. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies.
- Tekueva, M. A. 2006. Muzhchina i zhenshchina v adygskoĭ kul'ture: traditsii i sovremennost' [*Man and woman in Adyghe culture: traditions and modernity*]. Nalchik.
- Tekueva, M.A. 2019. Mir chuvstvennykh perezhivaniĭ kavkazskoĭ zhenshchiny [Caucasian women's inner world of emotional experience]. *Herald of anthropology*. doi: 10.33876/2311-0546/2019-47-3/22-38
- Turner, F. J. 2009. *Frontier in American history*. M.: The Whole World.
- Tlostanova, M. 2010. *Gender Epistemologies and Eurasian Borderlands*. Palgrave Macmillan, N.Y.
- Yakushenkova, O.S. 2015. Zhenskaiā transgressiā na geterotopnykh prostranstvakh frontira [Female transgression on heterotopic spaces of the frontier]. *Caspian region: Politics, Economy, Culture*, 3, 321–326.
- Yakushenkova, O.S. 2017. Ot voĭny k diplomatii: roli indeĭskikh zhenshchin na amerikanskom frontire [From the war to diplomacy: roles of Native American women on the American frontier]. *Journal of frontier studies*, 2 (6), 107–119.